

СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ 1922—1927 гг.

Ольга Игоревна ШЕСТАК, младший научный сотрудник Института истории ДВО РАН

В 1922 г. на Дальнем Востоке закончился длительный период гражданской войны и интервенции, регион вошел в состав советского государственного пространства с его нормативной базой, идеологией и общим курсом политического и экономического развития. В конце 1922 г. в ДВО был создан каркас новой социальной структуры. Начала активно развиваться сеть народного образования и просвещения, практически с нуля создавалось медицинское обслуживание, совершенствовалась система социального обеспечения и страхования, направленная на поддержку наименее защищенных слоев населения, восстанавливался пострадавший в годы гражданской войны жилой фонд, происходило формирование распределительной системы.

К концу 1920-х годов уровень жизни населения Дальнего Востока стал крайне дифференцированным, что явилось результатом общегосударственной концепции социальной политики, носящей ярко выраженный стратифицирующий характер. По отношению к обществу это проявлялось в обосновании и подчеркивании значимости классов путем выделения приоритетных групп государственной поддержки. Так, интересы рабочих ставились выше интересов крестьян, причем поддерживалось и внутригрупповое различие через механизмы заработной платы, налогообложение, социальное обеспечение и создание системы льгот и привилегий. Понять общее направление развития дальневосточного общества можно, рассмотрев динамику социальной дифференциации населения региона в эти годы.

Рассмотрим изменения в уровне жизни и социальном положении рабочей группы. Внимание, уделяемое этому социальному слою, связано с двумя факторами. Во-первых, это общесоциологическая концепция, в соответствии с которой на верхнюю ступень социальной лестницы ставился пролетариат, по официальной терминологии того времени, включавший в себя рабочих и с оговорками служащих государственного аппарата — выразителей интересов и «направляющего звена» пролетариата. Во-вторых, внимание к рабочим на Дальнем Востоке обуславливалось кроме идеологии еще необходимостью скорейшего восстановления экономики, разрушенной в годы гражданской войны и интервенции. Занятых в различных отраслях дальневосточного хозяйства в этот период было немного (в 1923 г. лишь 3,5% от общей численности населения). Однако рабочие доминировали среди городского самодеятельного населения — 38,3%. К 1927 г. соотношение изменилось незначительно — рабочие составляли 3,8% от всего населения региона, их отношение к горожанам не изменилось и составило 38,2%.

Не являясь однородным социальным слоем, они делились на многочисленные группы в зависимости от сферы занятости и квалификации. Прежде всего выделялись рабочие государственных предприятий и занятые в частном производственном секторе; среди них — труженики государственной фабрично-заводской промышленности, пищевой, кожевенной, печатники и т. д.; в частном секторе преобладали рабочие мелких и средних предприятий, занятые в кустарной промышленности; особую группу составляли сельскохозяйственные «сроковые» рабочие, численность которых была невелика; самую большую группу составляли те, кто трудился на транспорте, что обуславливалось структурой экономического развития региона. Наконец, существовало деление по уровню квалификации — высококвалифицированные рабочие, средней квалификации и неквалифицированные, составлявшие так называемую группу риска, потому что их могли в любой момент уволить.

Основным механизмом улучшения имущественного положения рабочих было регулирование заработной платы, напрямую зависевшей от указанных выше групповых признаков. В исследуемый период она не носила централизованного характера, что было связано с двухсекторным производством (частный и государственный) и региональными различиями в уровне цен и продовольственном снабжении. В то же время, элементы централизации уже прослеживались в установлении государственного минимума заработной платы и системы тарифных ставок наряду с тарифными поясами. Общее количество разрядов, согласно тарифной сетке ВЦСПС, было 17, однако ставки выше 9-го разряда за некоторым исключением рабочим не утверждались². Установление разряда зависело от квалификации и стажа. Рабочие, получавшие зарплату по 7—9-му разряду, имели высшую квалификацию и дореволюционный стаж работы на крупных предприятиях. Средняя их зарплата достигала в 1923 г. от 53,15 до 76,10 руб. (при ставке 1-го разряда от 15,05 до 23,5 руб. в зависимости от тарифного пояса), в 1925 г. — до 83,5 руб., в 1927 г. — до 91,35 руб.³ В 1923 г. от общего числа рабочих (57 265 чел.) по высшим ставкам заработную плату на государственных предприятиях получали 3 565 чел., в 1925 г. — 4 364, в 1927 г. — 5 686 чел.⁴ Средняя заработная плата от 4-го до 7-го разряда в 1923 г. составляла от 38,03 до 51,45 руб., в 1925 г. — до 56 руб., в 1927 г. — 63 руб.⁵ Плату по средним разрядам получали в 1923 г. 8 364 рабочих, в 1925 г. — 9 161 чел., в 1927 г. — 12 800 чел.⁶ Низшие разряды имели молодые неопытные рабочие, чаще всего попадавшие на производство «от сохи», выполнявшие неквалифицированную работу. В 1923 г. они зарабатывали от 15,05 руб. до 20,82 руб., в 1925 — 25,6 руб., в 1927 до 32, 56 руб.⁷ Эта категория была наиболее многочисленной в государственном секторе (1923 г. — 28 630 чел., в 1925 г. — 22 130 чел., в 1927 г. — 16 366 чел.), но с годами имела тенденцию к сокращению⁸. Частный сектор находился вне государственного регулирования, хотя и зависел от установленного государственного минимума заработной платы и общей экономической конъюнктуры; на некоторых производствах зарплата была в 2—3 раза выше, чем в государственном секторе.

Зафиксировав системой разрядов дифференциацию заработной платы, что сказалось на различии в доходах, государство создало возможность рабочим через систему профессионального образования повышать свою квалификацию. Этим можно объяснить постоянное сокращение (1923—1927) неквалифицированных и увеличение кадров высшей и средней квалификации.

Рабочие, которым платили по ставкам 7—9-го разрядов, к 1927 г. составляли самую обеспеченную внутриклассовую группу, несмотря на значительную разницу в заработной плате с теми, кто трудился на частных и концессионных предприятиях. Это объяснялось системой льгот, предоставлявшихся в государственном секторе: обеспечение жилой площадью с низким уровнем квартирной платы, возможность бесплатного образования и повышения квалификации, бесплатное высшее образование для детей, охват сетью потребительской кооперации, что имело существенное значение при постоянном росте цен на товары первой необходимости, возможность получения помощи через сеть медицинских страховых касс. Примерно на одном уровне благосостояния в 1927 г. находились рабочие средней квалификации, имевшие право на те же льготы, и рабочие большей части частных секторов производства, вынужденные тратить большую часть заработной платы на основные социальные нужды. Наименее обеспеченную категорию составляли неквалифицированные рабочие, их заработная плата иногда с трудом покрывала стоимость бюджетного набора⁹.

Анализ постановлений и декретов местной и центральной власти говорит о целенаправленном формировании (при особой государственной поддержке) такой социальной группы, как государственные служащие. Они, как и рабочие, относились, согласно общеидеологической концепции, к пролетариату, составляя его «руководящую и направляющую силу». В то же время государственные служащие пролетариатом не являлись, хотя до 60% их составляли выходцы из рабочей среды и беднейших слоев деревни, сюда входили и сильно поредевшая к концу 1920-х годов «старая интеллигенция» и нарождавшаяся «советская интеллигенция»¹⁰.

Государственные служащие, как и рабочие, не были однородной социальной группой, причем именно в этой группе четко прослеживалась иерархия социальных позиций. Верхнюю ступень занимала государственная партийная номенклатура, ступенькой ниже стояла научная номенклатура, сюда входили также лица «интеллектуального труда», работавшие на государство: инженерно-технический персонал предприятий, ученые и преподаватели, не входившие в научную номенклатуру, учителя и другие сотрудники государственных учреждений.

Общее число служащих на Дальнем Востоке в 1923 г. было на 16% меньше, чем рабочих, и составляло 33 324 чел., или 22,3% от самодеятельного населения городов. Из них в государственных учреждениях, включая местные администрации различных уровней, трудилось 29 003 чел.; 1 621 чел. составлял инженерно-технический персонал в государственном секторе промышленности; остальные 2 670 работали на частных предприятиях и в конторах¹¹. Из 30 624 чел. государственных служащих в 1923 г. 8 986 чел. составляли члены и кандидаты в члены партии, из которых 4 632 высшего управленческого и юридического персонала в 1926 г. вошли в номенклатуру должностей; 3 700 — учительский персонал; 93 преподавателя ДГУ, из них к 1925 г. 26 вошли в номенклатуру ЦКУБУ.

Средняя месячная заработная плата служащих государственной фабрично-заводской промышленности составляла в 1923 г. — 49,86 руб., в 1925 г. — 111,1 руб., в 1927 г. — 135,2 руб.; служащих учреждений и торговых предприятий в 1923 г. — 112 руб., в 1925 г. — 139 руб., в 1927 г. — 186 руб¹².

Основу окладов государственных служащих, как и рабочих, составляла тарифная сетка ВЦСПС, однако, если максимальным для рабочих был 9-й разряд, то для государственных служащих — 17-й разряд. Кроме зарплаты по разрядам служащие государственных учреждений получали персональные оклады по двойным и тройным тарифным ставкам, вознаграждения за выполнение специальных партийных заданий, имели право на жилую площадь, в том числе на дополнительную, не подлежали уплотнению (научные работники, высший инженерно-технический и управленческий персонал), получали бесплатное курортное лечение, а также бесплатный продовольственный паек — основные продукты бюджетного набора.

Среди дальневосточников государственные служащие являлись самой обеспеченной категорией населения, эта группа неуклонно росла на протяжении 20-х годов: в 1925 г. число служащих государственных учреждений выросло до 31 792 чел., а инженерно-технический персонал промышленных предприятий увеличился до

2 650 чел.; к 1927 г. рост составил соответственно 32 862 и 3 330 чел.; по сравнению с 1923 г. это больше на 7,9%¹³.

Недосягаемыми по уровню жизни социальными группами к 1927 г. стали служащие, относившиеся к высшему управленческому и юридическому персоналу; они входили в партийную номенклатуру, и ученые, зарегистрированные в ЦКУБУ. Эта категория получала заработную плату по высшим разрядам тарифной сетки — от 12 до 17 разряда, которая в среднем составляла около 500 руб. и достигала, по ставке 1-го разряда, в 1927 г., при достаточно высоком уровне цен на Дальнем Востоке, 350—430% стоимости бюджетного набора¹⁴; она пользовалась огромными привилегиями, созданными для неё государством. Кроме привилегий и заработной платы высший управленческий персонал получал особые надбавки к заработной плате на так называемые «представительские расходы» (проведение официальных банкетов, организацию совещаний и собраний, особенно с участием иностранных представителей), общая сумма которых иногда достигала 50% заработной платы¹⁵.

Выделение партийной номенклатуры в привилегированную социальную группу не могло не вызывать недовольство рабочих и остальных социальных групп, в том числе и рядовых членов партии, о чем сохранились свидетельства в архивных источниках. На первом Владивостокском окружном съезде советов в апреле 1926 г. в докладе тов. Зыряна, одного из руководителей финансового отдела окрисполкома, отмечалось, что окружные финансисты не довольны расходами, которые тратились на содержание административного аппарата, что неравенство в окладах — «самый большой вопрос»¹⁶. По мнению большинства рабочих, к концу 1920-х годов в сравнении с «царской Россией» ничего не изменилось: «как раньше, так и в настоящее время, есть господа и есть рабы, но только в иной форме»¹⁷. Многие дальневосточники в своих письмах в центральные советские газеты задавали вопросы: «Коммунисты не дворяне, но почему у них жены в шляпках ходят и прислугу имеют?», «Скажите, какая разница между министром и народным комиссаром? Почему жены комиссаров имеют на руках бриллиантовые кольца и золото на шее. Откуда это взято? Ответьте?»¹⁸

Несмотря на недовольство народных масс, обладатели высоких окладов и привилегий не стремились от них отказаться. В 1926 г. секретариатом ЦК ВКП(б) рассматривался вопрос о ставках КВЖД. В результате ответственным работникам представительства советского правительства на КВЖД разрешалось получать не более 320 руб. (золотом), а членам правления дороги, управляющему и членам ревизионной комиссии позволялось удерживать у себя до 500 руб. в среднем в месяц в качестве аванса на представительские расходы¹⁹. По этому поводу сохранилось письмо заместителя председателя КВЖД М.М. Лашевича Г.К. Орджоникидзе, в котором М.М. Лашевич выражал недовольство снижением заработной платы: «В Москве мы с женой получали по 400—450 руб., теперь я получаю 320 руб., а ей работать нельзя. Я «сановник», как будет работать моя жена? ... А как я должен жить? ...У меня квартира в 10 комнат, три китайских прислуги. Словом ... я жить не могу на 320 руб. в месяц, и никаких 180 руб. на представительские не хватит. ... Я выпивал и выпиваю. Но все знают, что я не любитель кабаков, а люблю выпить со своими ребятами дома. ... Разве ж можно проверять сколько приемов у меня было? Моя просьба — освободить меня от этих «мелочей быта». По общему мнению минимум минимальнейший — это: содержание — 500 руб. и представительские 250 руб.»²⁰ Таким образом, государственные служащие, в особенности высший управленческий персонал, представляли самую обеспеченную категорию населения.

Наиболее многочисленной социальной группой на Дальнем Востоке, как и в России в целом, было крестьянство. В 1923 г. сельское население в регионе исчислялось в 1 193 560 чел., что составляло 72,8% от общего числа жителей, в 1927 г. эта цифра увеличилась до 1 519 600 чел. — 74,7% от всего населения. Прирост сельского населения к 1927 г. носил естественный характер и происходил за счет увеличения рождаемости, что было обусловлено установлением мирного времени и возможностью развития хозяйства.

Определение внутриклассового группового соотношения в крестьянстве шло по степени зажиточности и носило условный характер: в 1923 г. бедняки и маломощные составляли около 58% или 692 264,8 чел., середняки — около 30% или 358 068 чел. и зажиточные — 12% или 143 227,2 чел. Почти все группы крестьян имели крупные

земельные наделы, и зачастую этот надел бедняцкого хозяйства был равен земельному наделу хозяйства зажиточного, однако отличался степенью интенсивности его обработки, которая напрямую зависела от числа душ в семье. Бедные хозяйства по различным губерниям и волостям ДВО имели в среднем от 4 до 4,9 душ на одно хозяйство; маломощные от 5,5 до 6,5 душ; средняцкие хозяйства — от 6,7 до 8,1 и зажиточные — от 6,4 до 10,1 душ²¹. Семью определяли и количество рабочих рук, и, следовательно, степень интенсивности обработки земли, и соответственно уровень благосостояния.

И все-таки невозможно было определить степень зажиточности хозяйства только по наличию рабочих рук, пашни, скота, как это делалось во время проведения мероприятий по налогообложению. В этом нужно было учитывать такой признак, как средний уровень благосостояния, или иначе достаток семьи. По уровню благосостояния крестьянские хозяйства Дальнего Востока можно было определить следующим образом²²: бедняцкое хозяйство — то, которое не может систематически сводить свой бюджет без дефицита, и попадает во власть кредиторов. Маломощное хозяйство в разряд бедных переводят неурожай, падеж скота и другие стихийные бедствия. В то же время хороший урожай или удачные заработки дают хозяйству возможность стать на ноги. Средняцкое хозяйство — устойчивое, благополучно и бездефицитно сводящее свой бюджет и не выходящее за пределы среднего уровня благосостояния в своем районе. Мощное средняцкое хозяйство при благоприятных условиях (обеспеченность рабочей силой и капиталом) или благодаря предприимчивости и знаниям хозяина выделялось из общей массы крестьянства своим благосостоянием. Зажиточное хозяйство от мощного средняцкого отличалось тем, что строило свое благополучие на эксплуатации (систематический наем рабочей силы, ростовщичество, торговля и т. д.).

В 1923 г. крестьянские хозяйства по уровню благосостояния выглядели следующим образом: по различным волостям дальневосточных губерний процент бедняков колебался от 20 до 38%, малоимущих — от 18 до 34%, середняков — от 25 до 47%, мощных средняков — от 2 до 15% и зажиточных хозяйств — от 1,2 до 3,5%²³. В отчетах Дальревкома за 1923/24 г. мощные средняцкие и зажиточные хозяйства обычно объединялись в одну группу, что давало высокий процент зажиточных хозяйств — в среднем 12%.

Политика, проводившаяся на Дальнем Востоке по отношению к крестьянству, с 1923 г. изменила соотношение внутриклассовых групп в этом сословии. К 1927 г. произошло «размывание» полярных групп — бедняцких и зажиточных (как мощных средняцких, так и кулацких).

Для беднейшего крестьянства социальная политика создала возможность мобильности, т. е. повышения уровня благосостояния и перехода в следующую более обеспеченную группу. Используя налоговые льготы, систему социального обеспечения и другие виды производственной помощи, значительная часть бедняцких хозяйств крепла и поднималась до уровня средняцких. Для интенсификации производства эти хозяйства снабжались сельскохозяйственными машинами, что было существенной помощью. Так, по данным Далькрайисполкома, к 1927 г. бедняцким и средняцким хозяйствам губернии было продано сельхозмашин на 4,6 млн. руб.²⁴ В то же время, чем мощнее и обеспеченнее было хозяйство, тем большие налоги назначали им местные власти, что делало невыгодным даже развитие средняцких хозяйств. Это привело к общему спаду сельскохозяйственного производства и соответственно снижению уровня благосостояния в 1923—1927 гг. Сокращалось количество посевных площадей, поголовье скота²⁵. Если в 1923 г. посевные площади на Дальнем Востоке насчитывали 732 700 десятин, то в 1925 г. эта цифра составила 730 100, а в 1927 г. — 673 900 десятин²⁶. За этот же период поголовье крупного рогатого скота сократилось к 1925 г. на 14% по отношению к 1923 г. и к 1927 г. по отношению к 1925 г. на 12,8%²⁷. Впервые стало проследиваться желание крестьян скрыть свое благосостояние и социальную принадлежность. Широкое распространение на Дальнем Востоке получило такое явление, как сдача рабочей силы с инвентарем и скотом в наем, которое практиковалось зажиточными крестьянами²⁸. В 1925 г. до 43% бедняцких и маломощных средняцких хозяйств практиковали наем чужого инвентаря, скота и рабочей силы, причем расплачивались не деньгами, а процентом с урожая.

Наличие в мощных середняцких и зажиточных хозяйствах членов семьей, работавших по найму, позволяло им причислить себя при различных учетах и переписях к такой категории, как батрачество.

В 1927 г. бедняцкое хозяйство на Дальнем Востоке выглядело следующим образом: стоимость средств производства составляла в среднем 235,1 руб., оно имело до 3 десятин посева, около 60% хозяйств были безлошадными и до 20% не имели коров, средний доход на едока составлял 3,9 руб., на хозяйство — 39 руб., оно состояло из 4—4,9 членов семьи²⁹. Маломощное хозяйство насчитывало до 5 десятин посева, стоимость средств производства оценивалась 328,8 руб., до 25% хозяйств не могли приобрести лошадей и до 12% — крупный рогатый скот, средний доход на едока составлял 17,1 руб., на семью — 120 руб., число членов семьи — 5,5—6,5 чел. Семья середняка имела в среднем от 5 до 12 десятин посева, стоимость ее средств производства составляла от 397 до 1 002 руб., она имела 5,2 головы рабочего скота и 5,6 коров, до 7 овец; средний доход на едока составлял 40,0 руб., на семью от 320 до 543,6 руб.³⁰. Зажиточное крестьянство (разной степени зажиточности) имело в среднем от 9,3 десятин земли, стоимость средств производства составляла около 1 868 руб., имело от 9,8 голов рабочего скота, 8,9 коров, до 281 овец, коз и пр., средний доход на едока составлял 209,0 руб., на хозяйство — 1 253 руб.³¹ Помимо этого бедняки прирабатывали 25 руб. поденным наймом (до 50 дней) в чужом хозяйстве и заготовкой дров — до 15 руб., а также брали ссуды из земуправления до 7 пудов зерна³². Маломощным и середнякам заготовка дров также давала до 18 руб. дохода. Зажиточный имел заработок за сдачу в наем инвентаря и рабочего скота до 20 руб. По уровню налогообложения бедняки платили до 3,45 руб. налога, маломощные до 7 руб., середняки — до 87 руб., зажиточные — до 265 руб.³³

Разница в благосостоянии крестьянских групп нивелировалась налогами, социальным обеспечением и сторонними заработками, хотя значительная дифференциация хозяйств сохранялась и к 1927 г. Общее соотношение внутриклассовых групп крестьянства по сравнению с 1923 г. несколько изменилось: бедняки составляли от 8 до 16% хозяйств по губерниям края, маломощные — от 15 до 23%, середняки от 36 до 73% и зажиточное крестьянство составляло от 2 до 4,6%³⁴. Средний уровень дохода на одного человека, выраженный в денежном эквиваленте, в сельском хозяйстве Дальнего Востока независимо от степени зажиточности хозяйства составлял 49,8 руб., крестьянство не имело льгот, которыми пользовались рабочие и служащие.

В ДВК с 1926 г. начали создаваться коллективные хозяйства. В 1927 г. их было немного — 276³⁵. Как правило, объединялись беднейшие крестьянские хозяйства. В среднем такое хозяйство состояло из 12 дворов, 54 десятин посева, 5 лошадей и 7 коров, 0,6 молотилок и 0,8 сеялок³⁶. Объединения были добровольными, однако они находились в особом отношении с государством, которое оказывало им первоочередную поддержку, но и требовало систематических поставок сельхозпродукции на определенных условиях. Достигалось это за счет сокращения внутреннего потребления колхозников, что объясняло более высокую товарность колхозного производства. Уровень существования и организации труда в коллективных хозяйствах ДВК оставался низким. Средний доход на одного человека в колхозе 1927 г. составлял 29,3 руб. в месяц³⁷. Между тем коллективные хозяйства не отвечали крестьянским интересам, да и многие крестьяне не понимали, зачем им это нужно. Большинство из них находилось в плену иллюзий относительно возможности уравнительного распределения земли. В конечном итоге крестьянский идеал в рамках единоличного хозяйства не шел дальше желания получить от государства дешевый кредит, выйти на хутор или соединить свои участки в так называемые «широкие полосы», или, наконец, выделиться из села в небольшие поселки.

Характерной чертой крестьянства как на Дальнем Востоке, так и в остальной части России было чувство идентичности, осознания себя единой группой на основе земледельческого быта. Крестьяне знали особенности обработки земли, возможности и условия получения максимальных доходов многое другое и, конечно, понимали свое униженное положение в сравнении с другими социальными группами, особенно рабочими и служащими, что вызывало у них раздражение и ожесточение. Так, Т. Маюра из дер. Михайловки Завитинского уезда Амурской губернии в 1925 г.

писал в «Крестьянскую газету»: «...Сколько существует крестьянство, оно еще не имело ни к кому такой вражды, какую оно имеет к рабочим вообще и к коммунистам в особенности, и причина этой вражды выходит из самого сердца коммунистической партии, ибо ее святой лозунг — диктатура пролетариата — и есть корень вражды. Генералов и помещиков у нас нет, чтобы проводить над ними диктатуру, осталось только над крестьянами, ибо крестьянин продает последнюю корову, чтобы заплатить налоги, не по доброй воле, а только под давлением диктатуры. Рабочий, работая, получает за труд, а крестьянин, работая, за свой труд платит. Коммунистическая партия как бы стремится всех крестьян сделать нищими, поощряет только бедноту, не помогает ей, а поощряет, и если крестьянину удастся улучшить свое хозяйство и выкарабкаться из бедноты, то его клеймят кулаком и считают врагом советской власти, а ведь нет такого крестьянина, который бы не стремился улучшить свое хозяйство и стать в глазах партии кулаком...»³⁸

В 1926 г. в отчете секретаря одного из укомов Приморской губернии отмечалось: «... главный и основной вопрос во всех районах, и не только у меня, но и по справкам других товарищей во всех волостях нашего уезда — это большая ревность (крестьян) к рабочим, что они много получают и мало работают, что вся дороговизна на все товары и налоги на нас, крестьянах, больше, потому что государство много тратит на уплату рабочим и служащим...»³⁹ Следует добавить, что подчиненное положение крестьян по отношению к другим социальным группам в советском государстве было зафиксировано законодательно — неравные права для рабочих и крестьян на выборах в Советы, закрепленные в Конституции 1924 г.

К 1927 г. в структуре дальневосточного населения произошло значительное сокращение так называемых «деклассированных» социальных групп, т. е. групп, которые по официальной идеологии нельзя было отнести ни к пролетариату, ни к служащим, ни к крестьянству. В первую очередь значительно сократилась группа хозяев мелких и средних предприятий, которая в 1923 г. составляла 6 645 чел. или 4,4% от самостоятельного городского населения, что стало результатом социальной политики государства. Высокие налоговые ставки на производимую продукцию, дополнительные обложения (расходы на общественные нужды, создание рабочих мест для безработных, высокая плата за аренду помещений), полное отсутствие каких-либо льгот вызвало свертывание производства. Постоянный рост заработной платы в государственном секторе и увеличение льгот государственным рабочим привели к тому, что частные хозяева не выдерживали конкуренции с государством за привлечение рабочей силы и постоянно теряли рабочих. По данным ЦСУ, к январю 1927 г. в ДВК осталось одно частное предприятие по производству одежды, две частные типографии, одна электростанция, 4 кожевенных и 5 табачных фабрик, 15% предприятий пищевой промышленности⁴⁰. Число хозяев частных предприятий на Дальнем Востоке сократилось к 1927 г. до 1 356 чел.⁴¹

Значительно сократилось число количество мелких кустарей, торговцев и ремесленников, которые в 1923 г. составляли 11%, или 16 776 чел. от самостоятельного городского населения⁴², а в 1927 г. — 2,3%, или 3 300 чел.⁴³. Большая их часть вошла в состав рабочего класса; некоторые с потерей своих малых предприятий пополнили «армию» безработных, другие, выходцы из деревни, вернулись в сельское хозяйство, и, наконец, часть вошла в состав советских учреждений⁴⁴.

К 1927 г. незначительно сократилась такая социальная категория, как прислуга, которая в 1923 г. составляла 7,0% от населения городов, или 10 404 чел.⁴⁵ Эта группа составила в 1927 г. 8 650 чел., или 5,9%; 89% от общего числа прислуги были женщины, занимавшиеся в основном ведением домашнего хозяйства и воспитанием детей, и 11% — мужчины: шоферы, обслуживавшие высший управленческий персонал, печники, истопники. В 1923 г. основными держателями прислуги были лица, имевшие доход от частных предприятий, торговли и т. д., а в 1927 г. основными держателями прислуги стали служащие советских учреждений (до 87% работодателей).

На самой низкой ступени социальной лестницы в Дальневосточном крае стояли безработные, которые в качестве источника существования могли рассчитывать только на пособия, если имели право на регистрацию и учет, и случайные заработки. Эта группа состояла как из лиц, не нашедших работу ввиду низкой квалификации или отсутствия востребованности на профессию, так и из «лишенцев», которые

практически не имели права на труд. Точного числа последних мы не смогли найти в архивных источниках, но известно, что многие из них пополнили «армию» безработных, другие каким-то образом приспособились к режиму и влились в состав низовых звеньев советских учреждений, но в целом на Дальнем Востоке их было немного по сравнению с центральными российскими губерниями. Общее число безработных в крае в 1927 г. составляло, по официальным данным, 27 025 чел.⁴⁶, а по неофициальным приближалось к 30 тыс. чел., сократившись по сравнению с 1923 г. (36 тыс. чел.).

И, наконец, последняя группа дальневосточного населения, не являвшаяся социальной по определению, — иждивенцы государственных и общественных учреждений: пенсионеры и лица, получавшие различного рода вспомогательные пособия. С развитием на Дальнем Востоке системы социального обеспечения и страхования эта группа составила к 1927 г. 41 375 чел.⁴⁷

Если мы представим схему социальной дифференциации населения Дальнего Востока по уровню благосостояния, то она будет иметь классическую пирамидальную форму. Вершину пирамиды, являясь наиболее обеспеченным слоем населения, занимали советские государственные служащие, среди которых в 1920-е годы по уровню благосостояния выделялась группа высшего управленческого и юридического персонала, входившая в номенклатуру должностей всех уровней. Ступенькой ниже располагались рабочие государственных предприятий различных отраслей промышленности и рабочие частных предприятий. Нижнюю ступень пирамиды занимали крестьяне, составлявшие большинство населения, чей уровень благосостояния был значительно ниже, чем у рабочих, и которые при этом еще несли основное бремя налоговых платежей. Самое «дно» пирамиды было у групп, которые, невозможно отнести ни к рабочим, ни к служащим, ни к крестьянам. Они получили определение «деклассированный элемент». Сюда входили лица разнообразных занятий, профессий и различного социального положения, которых объединяло то, что они не могли рассчитывать на государственную поддержку, источник их существования не был постоянным, а доходы крайне низки и редко превышали расходы; многие представители этих групп облагались государственными налогами и, наконец, их социальное положение носило временный характер, поскольку социальная политика была направлена на «размывание» «деклассированного элемента», для чего создавались возможности для изменения статуса через образование, повышение квалификации, и, как ни парадоксально это звучит, проявление и подтверждение лояльности в отношении советской власти.

Таким образом, в 1920-е годы советское общество начало организовываться как система властных иерархий, где властные отношения реализовались как господство высших слоев над низшими, что достигалось не столько насильственными, сколько символическими средствами путем утверждения особого типа легитимации власти через установление партийного авторитета. Именно партия с помощью теории классового деления общества и утверждения социализма в результате классовой борьбы начала составлять организующее ядро и регулирующую силу всего государственного устройства. Социальное деление общества с этого периода строилось на основе как реальных, так и номинальных властных полномочий — чем ближе социальная группа к государственной власти, тем выше её социальное положение и шире возможности практически во всех областях.

¹ Контрольные цифры народного хозяйства Дальневосточного края на 1927—1928 гг. Хабаровск, 1927. С. 71.

² Труд в ДВК: Стат. справочник за 1923, 1924 и 1925 годы. Хабаровск, 1926. С. 43—46.

³ Подсчитано автором по: Труд в ДВК: Стат. справочник за 1923, 1924 и 1925 годы. С. 43; Профсоюзы Дальнего Востока в 1923 г. (Отчет Дальбюро ВЦСПС). Чита; Владивосток, 1924. С. 21—25; Профессиональные союзы ДВК: 1925—1927 гг. Отчет ДКСПС ко 2-му Дальневосточному краевому съезду профсоюзов. Хабаровск, 1927. С. 63—70.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

- ¹⁰ Фицпатрик Ш. Классы и проблемы классовой принадлежности в советской России 20-х годов // *Вопр. истории*. 1990. № 8. С. 16—31; Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы: политический и нравственный облик (1917—1920) // *Отеч. история*. 1997. № 5. С. 44—53.
- ¹¹ Контрольные цифры народного хозяйства Дальневосточного края на 1927—1928 гг. С. 71.
- ¹² Труд в ДВК: Стат. справочник за 1923, 1924 и 1925 годы. С. 63; Контрольные цифры народного хозяйства Дальневосточного края на 1927—1928 гг. С. 63—70.
- ¹³ Контрольные цифры народного хозяйства Дальневосточного края на 1927—1928 гг. С. 71.
- ¹⁴ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 29. Л. 45.
- ¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 43а. Д. 318. Л. 68.
- ¹⁶ Первый Владивостокский окружной съезд Советов: Стеногр. отчет. Владивосток, 1926. С. 117.
- ¹⁷ Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918—1932 гг. М., 1998. С. 233.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Большевицкое руководство: Переписка. 1912—1927: Сб. документов / Сост. А.В. Квашонкин, О.В. Хлевнюк и др. М.: РОССПЭН, 1996. С. 341—342.
- ²⁰ Там же. С. 342—343.
- ²¹ Брянский А.М. Экономическое расслоение дальневосточной деревни (к VII Дальневосточной конференции РКП). Хабаровск, 1925. С. 11.
- ²² Подсчитано автором по данным бюджетных обследований в соответствии с источниками: РГИА ДВ. Ф. Р.-2413. Оп. 1. Д. 16. Л. 28; Труд в ДВК: Стат. справочник за 1923, 1924 и 1925 годы; Предварительные итоги бюджетного обследования рабочих и служащих Дальнего Востока в марте 1924 года. Вып. 1. Хабаровск, 1924; Брянский А.М. Экономическое расслоение дальневосточной деревни. С. 2—8.
- ²³ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 3. Д. 4. Л. 63; Брянский А.М. Экономическое расслоение... С. 43.
- ²⁴ Основные моменты хозяйственной деятельности в ДВК за 1929—1930 гг. Хабаровск, 1931. С. 19.
- ²⁵ Отчет Дальневосточного краевого исполнительного комитета за 1927—1928 год. Хабаровск, 1928. С. 23—28.
- ²⁶ РГИА ДВ. Ф. Р. 2413. Оп. 1. Д. 8. Л. 36.
- ²⁷ Там же. Д. 21. Л. 37.
- ²⁸ Конъюнктурный обзор народного хозяйства Приморской губернии за октябрь — декабрь 1925—1926 гг. Владивосток, 1926. С. 45.
- ²⁹ Дальневост. стат. обозрение. 1929. № 12. С. 12—45; Брянский А.М. Экономическое расслоение... С. 40—58.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.
- ³² Материалы обследования крестьянских хозяйств Дальневосточного края в 1927—1928 гг. Хабаровск, 1929. С. 36.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же. С. 68.
- ³⁵ Колхозы Дальнего Востока. Хабаровск, 1930. С. 14.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. С. 26.
- ³⁸ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 105. Л. 12.
- ³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 152. Л. 5.
- ⁴⁰ Контрольные цифры народного хозяйства Дальневосточного края на 1927—1928 гг. С. 71.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Отчет Дальревкома и Дальэкоза за 1923—1924 год / Под ред. М.П. Копытина, П.Е. Терлецкого. Хабаровск, 1925. С. 38.
- ⁴³ Контрольные цифры народного хозяйства Дальневосточного края на 1927—1928 гг. С. 71.
- ⁴⁴ Предварительные контрольные цифры народного хозяйства ДВК на 1928—1929 год: Сводная таблица. Хабаровск, 1928. С. 12—24.
- ⁴⁵ Отчет Дальревкома и Дальэкоза за 1923—1924 год. С. 38.
- ⁴⁶ Контрольные цифры народного хозяйства Дальневосточного края на 1927—1928 гг. С. 71.
- ⁴⁷ РГИА ДВ. Ф. Р.2413. Оп. 4. Д. 134. Л. 68.

Summary: Olga Shestak, a post-graduate of the Institute of History, the author of the article «Social Differentiation of the Inhabitants of the Russian Far East». The question is about the 20s of the last century, when in the Soviet state the system of power hierarchy was being organized, and these relations were realized as supremacy of high strata over the lower ones. Social division in this period was built on the base of real and nominal powers.